

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Трахтенберг А.Д. Идеологический концепт электронного правительства: как работает риторика разрыва? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2017. Т. 17, вып. 2. С. 41–58.

УДК 316.772.5

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.2.4158

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА: КАК РАБОТАЕТ РИТОРИКА РАЗРЫВА?

Анна Давидовна Трахтенберг

кандидат политических наук,

старший научный сотрудник отдела философии

Института философии и права УрО РАН,

г. Екатеринбург. E-mail: cskiit@yandex.ru

Материал поступил в редколлегию 07.04.2017 г.

В статье анализируется глобальный концепт электронного правительства. Автор делает вывод, что концепт основан на риторике разрыва. Концепт отличает циклический характер эволюции: постоянно появляются все более совершенные версии (самая последняя – цифровое правительство). Каждый новый вариант строится с учетом последних достижений технологического прогресса на текущий период, однако при этом ключевой тезис о разрыве с прошлым состоянием государства, то есть о кардинальной трансформации классической «веберовской» системы государственного управления под влиянием информационных технологий, остается в неприкосновенности. Концепт работает по принципу «антиполитической машины», обеспечивая редукцию политических проблем, связанных с ролью государства в информационном обществе, до технических и одновременно легитимируя расширение и развитие системы разрешительных полномочий органов власти. Анализ «серой литературы» и документов государственного стратегического планирования РФ позволяет проследить, как риторика разрыва сохраняет устойчивость благодаря постоянному переосмыслению, дополнению и поддерживающим объяснениям.

Ключевые слова: государственное управление, электронное правительство, риторика разрыва, «антиполитическая машина».

Внедрение в государственное управление информационно-коммуникационных технологий является общемировой тенденцией. Это внедрение породило глобальный дискурс, в соответствии с которым переход государственного управления на новую технологическую основу (электронные базы данных, «безбумажный документооборот», геоинформационные системы, краудсорсинговые платформы и т.п.) означает также его институциональную перестройку, изменение всей системы отношений как внутри органов власти (переход от взаимодействия преимущественно по вертикали к взаимодействию по горизонтали), так и между органами власти и обществом (сотрудничество вплоть до совместного принятия решений). Для описания ожидаемого революционного результата используется термин «электронное правительство».

Подчеркнем, что данный термин связан с идеей реформирования системы государственного управления с момента своего появления в 1993 г. Термин «Electronic government» впервые был употреблен в аналитическом отчете о состоянии системы государственного управления США («National Performance Review», далее NPR), подготовленном в рамках анонсированной администрацией Б. Клинтона реформы по «изобретению правительства заново» («reinventing government», далее REGO). Еще во время предвыборной кампании Б. Клинтон заявлял о необходимости радикально модернизировать аппарат государственного управления, в условиях информационной революции безнадежно отставший от потребностей общества. В общем плане это означало строительство государственного управления исходя из принципов корпоративного менеджмента (соответствующая модель получила название «новый государственный менеджмент» и неоднократно подробно анализировалась в научной литературе, включая отечественную [Оболонский 2014; Барабашев 2016]). Одним из главных направлений модернизации должно было стать широкое внедрение информационных технологий.

В качестве сопровождения и пояснения к NPR был опубликован стратегический документ «Реинжиниринг посредством информационных технологий», в котором утверждалось, что «правительство будущего» (то есть электронное правительство) преодолет барьеры времени и пространства и станет предоставлять людям информацию и услуги там и тогда, где и когда им это будет нужно. Авторы прямо указывали источник своего вдохновения – электронную торговлю (e-commerce): «...электронное правительство – это расширение идеи, впервые реализованной в системе электронных банковских платежей. Точно так же как банкоматы, пластиковые кредитные карточки и национальные сети сделали банки более удобными, электронное правительство сделает взаимодействие с государством более легким и быстрым» [Reengineering... 1993]. Иными словами, речь шла о максимальном снижении транзакционных издержек. Использование информационных технологий находилось в одном ряду с другими мерами, направленными на повышение процессной эффективности деятельности чиновников и раз-

витие частно-государственного партнерства. Для нового государственного менеджмента вообще был характерен культ будущего и эффективности не как инструментальных, а как нормативных ценностей (на что уже в 1994 г. обратил внимание, критикуя REGO, Р. Мо [Мое 1994]).

Реформа Б. Клинтона так и не привела к тем кардинальным переменам, которые были обещаны, однако каждый следующий американский президент, вне зависимости от того, какую партию он представлял, считал долгом заявить о своей приверженности концепту электронного правительства. Это касается и Дж. Буша, по инициативе которого в 2002 г. для обеспечения сильного лидерства при внедрении информационных технологий в федеральные ведомства, четкой регламентации стандартов и программ информационной безопасности и единых норм охраны информации, получаемой от граждан в статистических целях [About E-Gov 2002], был принят закон об электронном правительстве («E-Government Act»), и Б. Обамы, поставившего в 2009 г. в меморандуме «О прозрачности и открытом правительстве» задачу с помощью данных, накопленных при посредстве информационных технологий, обеспечить беспрецедентный уровень открытости правительства, сформировав систему прозрачности, гражданского участия и сотрудничества [Obama 2009]. Даже Д. Трамп, позиционирующий себя как *enfant terrible* в сфере американской политики, счел нужным создать Агентство американских инноваций (ОАИ), которое должно, в числе прочего, провести модернизацию технологической инфраструктуры и баз данных всех министерств и ведомств и вообще внедрить в систему государственного управления «новейшие инновации» [Parker, Rucker 2017].

Таким образом, электронное правительство в дискурсивном плане выступает как воплощение общего блага, существующего поверх политических различий. На подчеркнутую политическую нейтральность концепта еще в 2005 г. обратил внимание Р. Вест, обобщивший опыт первого десятилетия развития электронного правительства в США: «Основная идея состояла в том, что электронное управление – это технократическая реформа без политической или идеологической повестки, направленная исключительно на повышение эффективности государственного управления» [West 2005: 43].

С учетом символической значимости информационных технологий в современной культуре как воплощения технического, а следовательно, и социального прогресса популярность концепта «электронное правительство» у американских политиков не вызывает удивления. Эта же символическая значимость обеспечила и выход концепта на международный уровень. В соответствии с моделью «управленческой моды» Э. Абрахамсона мейнстримная управленческая технология должна поддерживать уверенность в возможности рационального управленческого прогресса [Abrahamson 1996]. Внедрение информационных технологий не только порождает такую уверенность, но и создает основания для дополнительной рациональной легитимации системы государственного управления как передовой, современной, соответствующей запросам общества.

Международная мода на электронное правительство породила огромный объем экспертной «серой литературы», посвященной проблемам

адаптации государства к условиям информационного общества и производимой влиятельными международными организациями (ООН, Всемирный банк) и глобальными игроками экспертного рынка в сфере менеджмента и информационных технологий (консалтинговые компании Accenture, Gartner, Capgemini), а также международными ИТ-корпорациями, предлагающими конкретные (весьма дорогостоящие) решения, призванные революционизировать систему государственного управления (IBM, Microsoft, HP, Cisco и др.).

О приобретении концептом «электронное правительство» международного статуса свидетельствует и тот факт, что с 2001 г. Департамент по экономическому и социальному развитию ООН начал вести мониторинг готовности стран мира к его развитию. Каждые два года публикуется международный рейтинг электронного правительства, в котором на основе анализа национальных государственных порталов (и с учетом ряда статистических показателей, таких как уровень проникновения Интернета и количество граждан, получивших вторичное и выше образование) оценивается, какое место занимает та или иная страна. Тем самым национальные правительства подталкиваются к использованию концепта, если они хотят соответствовать требованиям ООН.

В дискурсе электронного правительства постоянно воспроизводится риторика разрыва [Necht 2012] с прошлым, устаревшим и неправильным, состоянием. Глобальный дискурс регулярно обогащается концептами, описывающими этот разрыв: «электронное правительство», «правительство 2.0», «открытое правительство», «умное правительство», «мобильное правительство», «цифровое правительство» и т.п. Каждый концепт строится с учетом последних достижений технологического прогресса на текущий период, однако при этом базовый тезис о кардинальной трансформации классической «веберовской» системы государственного управления под влиянием информационных технологий остается в неприкосновенности.

Так, в отчете ООН за 2016 г. под электронным правительством понимается использование новейших электронных и мобильных решений для того, чтобы сделать предоставление государственных услуг более эффективным, доступным и отвечающим запросам граждан, а также для вовлечения граждан в принятие решений и повышения прозрачности и подотчетности государственных органов власти [United Nations E-Government Survey 2016: 1]. На первый взгляд, риторика разрыва тут практически отсутствует – ожидаемые изменения носят скорее количественный, чем качественный характер. Однако затем она вновь появляется: оказывается, что новейшие технологические решения, такие как «Большие данные», Интернет вещей, геоинформационные системы, создают возможности для формирования принципиально новой системы «предварительного управления» (anticipatory government) и проактивного предоставления гражданам услуг. В конечном счете должен совершиться переход от «правительства для вас» к «правительству с вами», когда органы власти не просто предвидят потребности людей и удовлетворяют их, но представляют собой платформы, на которой граждане и органы власти вместе ищут решение социальных проблем. Подобная модель получила название «цифровое правительство» [United Nations E-Government Survey 2016: 51].

Риторика электронного правительства можно рассматривать как частный случай работающей риторики (*workable rhetoric*) [Hood 2000: 171] государственного управления. В работающих риториках основным приемом является энтимема (неполно приведенный аргумент, недостающие части которого подразумеваются как очевидные). Рассуждение строится в виде цепочки утверждений, которые сопровождаются набором положительных примеров (в нашем случае – того, сколько пользы принесло гражданам внедрение электронного правительства) [Hood 2000: 183]. Мы называем этот риторический прием «пропуск хода»: например, в убедительном рассуждении о преимуществах *использования* «Интернета вещей», которое приведет к резкому сокращению государственных расходов на жилищно-коммунальное хозяйство, поскольку его состояние будет контролироваться в оперативном режиме, опускается упоминание того, что *внедрение* «Интернета вещей» и его поддержание в рабочем состоянии требуют, в свою очередь, расходов – и весьма значительных. Иными словами, описываются крайне позитивные конечные результаты внедрения при игнорировании неизбежных промежуточных проблем. На фоне рисующихся ослепительных перспектив реальные затраты и возможные проблемы кажутся незначительными.

Риторика электронного правительства успешно действует в самых неподходящих условиях. Так, под влиянием международной административной моды (и давлением Всемирного банка и международных фондов) развитием электронного правительства озаботились даже беднейшие страны Африки. Сторонников электронного правительства не смущает явное отсутствие экономических, социальных и организационных предпосылок к внедрению соответствующего комплекса технологий.

Например, в статье, посвященной сравнительному анализу перехода к электронному правительству в Иордании, Эфиопии и на Фиджи, авторы уверенно рассуждали о высоком антикоррупционном потенциале электронного правительства [Pathak et al. 2012], несмотря на то что, по их же собственным словам, в данных странах отсутствовала необходимая инфраструктура, государственные информационные ресурсы отличались низким качеством («дисфункциональны или устарели» [Pathak et al. 2012: 315]), граждане не владели компьютерной грамотностью и были слабо информированы о возможности взаимодействия с органами власти в электронном виде, а политическая ситуация отличалась высоким уровнем нестабильности; все это не позволяло сколько-нибудь эффективно планировать информатизацию. Иными словами, в анализируемых странах практически не имелось условий для «революции в управлении» посредством внедрения информационных технологий, что не мешало авторам сохранять оптимизм и рекомендовать в качестве основного рецепта достижения успеха широкое использование маркетинговых технологий с целью «продажи» гражданам преимуществ электронного правительства (опять осуществляя «пропуск хода», связанный с отсутствием средств, специалистов и интереса у граждан).

Данная статья представляется достаточно типической. И. Гальярдоне с соавторами, проанализировав целый комплекс исследований внедрения электронного правительства в странах Африки, пришли к выводу,

что информационные технологии описываются в них как существующие в своем собственном измерении и создающие новый слой возможностей, влияющих на функционирование государства, а не как новая переменная, которая вводится в уже сложившееся властные структуры и социальные сети [Gagliardone et al. 2015: 9].

Африканская ситуация именно в силу контраста между риторикой и реальностью показывает, что концепт электронного правительства достаточно агрессивно отрицает национальную специфику, а если и признает, то в самом ограниченном смысле: как препятствие, или, наоборот, как стимул к революции в государственном управлении, которую призваны совершить информационные технологии. Это не означает, что не предпринимаются усилия данную специфику все-таки выявить (например, на богатом китайском материале [см.: Kluver 2005; Holliday, Yep 2005; Schlaeger 2014]). Однако она оказывается трудноуловимой, что, скорее всего, свидетельствует о непригодности концепта «электронное правительство» для ее описания. Он принципиально не предполагает учета особенностей политического режима, политической и административной культуры и т.п., то есть тех самых характеристик, которые и определяют соответствующую национальную специфику.

Столь же непроницаем данный концепт для национальных неудач: по весьма приблизительным подсчетам Дж. Хикса, около четверти IT-проектов в сфере государственного управления в развитых странах завершаются полным провалом, а еще от трети до трех пятых – провалом частичным. В развивающихся странах полные провалы характерны для половины проектов, а частичные – для трети [Heeks].

Более того, на основе существующих методов определения результатов внедрения электронного правительства в лучшем случае можно оценить внутреннюю эффективность (efficiency), то есть насколько рачительно израсходованы выделенные на тот или иной проект средства, однако практически невозможно дать оценку его реальной пользы (efficacy) для конечных потребителей. Эксперты даже заговорили о парадоксе электронного правительства [Bertot, Jaeger 2008; Castelnovo 2010; Salvodelli, Codagnone, Misuraca 2012], связанном с практическими сложностями, порождаемыми попытками найти доказательства его полезности. А. Джайн описал данный парадокс применительно к США: проведенное им исследование показало, что чем больше отдельные штаты вкладывают в информационную инфраструктуру, тем хуже функционирует в этих штатах система государственного управления [Jaen 2003].

Таким образом, мы имеем дело с концептом, не позволяющим ни выявить национальную специфику, ни оценить результаты внедрения информационных технологий. Тем не менее он продолжает активно и широко использоваться и как объяснительная, и как оправдательная схема при выборе приоритетов развития системы государственного управления (и оценке эффективности соответствующих вложений).

При этом в обзорах литературы, посвященной внедрению электронного правительства в развитых странах и его диффузии в развивающийся мир, постоянно повторяются жалобы на то, что в академических исследованиях электронного правительства акцент делается на изучении техно-

логических, пользовательских и организационных аспектов электронного правительства, а не на рассмотрении политических, властных и социальных последствий широкого внедрения информационных технологий в государственное управление [Lipps, Schurpan 2009: 741]. Данная ситуация является в высшей степени устойчивой. В новейшем исследовании, посвященном истории электронного правительства, вновь подчеркиваются ярко выраженный технократический уклон и неоправданный технооптимизм большинства исследователей («история все время повторяется, и все новые технологии приветствуются как рассвет новой эры» [Bannister, Gronlund 2017: 2949]) и признается, что политологи по-прежнему держат проблему электронного правительства «на расстоянии вытянутой руки».

Можно предположить, что суть дела заключается не столько в элитарном сознании политологов, для которых концепт, имеющий своей основой наивный технологический детерминизм, не представляет сколько-нибудь значимого интереса, сколько в том, что данный концепт вообще не является теоретическим. Он не поддается фальсификации, так как выступает идеологическим конструктом, а «ключевое отличие идеологии от других типов нарративов состоит в том, что они встроены в процесс принятия политических решений» [Вахштайн 2014: 11].

Поэтому содержание концепта «электронное правительство», с одной стороны, контингентно, то есть зависит от национальной конфигурации влияний и инициатив, которая обуславливает принятие и принципиально-политического, и конкретных решений о внедрении информационных технологий в управление, а с другой – наднационально, ориентировано на следование международным стандартам.

Так, анализ документов государственного стратегического планирования 1994–2006 гг., посвященных переходу к электронному правительству, проведенный В. Беккерсом и В. Хомбургом в шести разных странах: в США, Великобритании, Австралии, Канаде, Нидерландах и в Дании, показал их полное содержательное тождество [Bekkers, Homburg 2007]. Беккерс и Хомбург выделили четыре основных мифа, которые повторялись из документа в документ: миф об электронном правительстве как новом и лучшем правительстве, миф об информационных технологиях как источнике прогресса, миф о плановом внедрении этих технологий и миф о просвещенном гражданине, потребность которого во влиянии на власть удовлетворяется электронным правительством. Авторы особо подчеркивали, что это именно мифы, имеющие мало общего с историей реального «грязного» («muddy») внедрения и использования информационных технологий в государственном управлении, однако устойчиво воспроизводящиеся вне зависимости от специфики соответствующей национальной среды.

О том, что информационные технологии являются мощной мифопорождающей структурой, существует достаточно обширная литература [Carey 1989; Sconce 2000; Mosco 2004; Barbrook 2007; Huhtamo, Parikka 2011; Curran, Fenton, Freeman 2016]. Вполне активно ведется и анализ концепта электронного правительства с позиций «критики технократической идеологии» [Morozov 2012; Tkacz 2014; Keen 2015], причем указываются и конкретные

носители данной идеологии – технологические магнаты Силиконовой долины (Е. Морозов, Н. Ткач), антикоммунистические экспертные институты времен «холодной войны», разрабатывавшие идеологию, способную противостоять марксизму (Р. Барбрук), неолиберальные экономисты (Р. Хассан) и т.д.

Однако в настоящее время нам известна только одна попытка создать теоретическую модель, в которой по возможности учитываются все участники процессов принятия решений в сфере электронного правительства. Это модель «опасного энтузиазма» Р. Голда и Ш. Голдфинч [Gould, Goldfinch 2006].

Сама по себе идея вписать информационные технологии в соответствующий организационный контекст принадлежит Дж. Фунтейн, ставшей автором пионерской работы об институциональной адаптации информационных технологий в системе государственного управления США [Fountain 2001]. Однако Дж. Фунтейн, а вслед за ней и Дж. Хикса [Heeks 2005] интересовало прежде всего то, каким образом организационный контекст определяет реальные пределы и эффективность использования информационных технологий, а не способ воспроизводства идеологии электронного правительства в этом контексте.

Р. Голд и Ш. Голдфинч выделили четыре основные группы участников процесса информатизации государственного управления, для каждой из которых характерна вера в абсолютные преимущества электронного правительства. Это сами сотрудники системы государственного управления, прежде всего высокопоставленные чиновники, принимающие решения о внедрении государственных систем, а также представители IT-индустрии, экспертного сообщества и посредники – «продажники». Каждую из этих групп отличает своя разновидность «опасного энтузиазма»: для государственных чиновников характерно преувеличение потенциала информационных технологий вплоть до их «идолизации», руководители IT-кампаний страдают технофилией, полагая, что с помощью новейших технологий можно решить любую проблему (Е. Морозов называет подобный подход «Интернет-центризм»), эксперты подвержены административной моде и склоняются к модным решениям хронических управленческих проблем, а посредники обязаны рекламировать достоинства предлагаемого товара с целью обеспечить его продажу. В результате риторика разрыва поддерживается и воспроизводится усилиями всех указанных выше сторон.

Нетрудно заметить, что среди них нет конечного потребителя: ни рядовых сотрудников органов власти, которым предстоит работать с новыми технологиями, ни рядовых сотрудников IT-кампаний, которые будут справляться с техническими проблемами-«багами», ни собственно граждан, жизнь которых призваны облегчить проекты в сфере электронного правительства. Таким образом, отсутствуют участники, которые могли бы поставить риторику разрыва под сомнение. Нельзя сказать, что это не осознается: «серая литература» в изобилии содержит рекомендации учитывать мнение рядовых исполнителей и вовлекать их в принятие решений, а также изучать и полнее удовлетворять потребности граждан [см., напр.: United Nations E-Government Survey 2016: 9]. Однако на практике принятие решений осуществляется по схеме, предложенной Р. Голдом и Ш. Голдфинч.

А это означает, что в сфере электронного правительства в полной мере действует так называемая дилемма Коллингриджа: если основные решения утверждаются централизованно, причем участвующие в обсуждении эксперты заинтересованы в укреплении своих институциональных позиций путем поддержки проекта, а потенциальные конечные пользователи полностью отсечены от принятия решений [Collingridge 1990: 13], то, до того как система внедрена, отрицательные последствия ее внедрения не могут быть просчитаны, и, после того как на ее внедрение потрачены значительные средства, внести какие-то изменения практически невозможно, в связи с чем приходится продолжать двигаться в раз избранном направлении, игнорируя проблему эффективности.

Поэтому те, кто отвечает за судьбу проекта, используют целую серию приемов, направленных на то, чтобы поддерживать риторику разрыва, нейтрализуя проблему эффективности. В частности, парадокс электронного правительства объясняется четырьмя способами. Ответственность может быть возложена на неправильную систему измерения, не позволяющую выявлять реальные эффекты, на то, что после внедрения прошло слишком мало времени, чтобы оценить эти эффекты, на то, что сами эффекты носят противоречивый характер (для одних групп они есть, для других – нет, так что итоговая сумма кажется нулевой), а также на ошибки менеджмента и недостаточную квалификацию исполнителей [Salvodelli, Codagnone, Misuraca 2012]. Чаще всего, по нашему мнению, используются первый и четвертый способы.

Возможна и постановка новой цели так, чтобы открывшиеся ослепительные перспективы (например, не просто предоставление государственных услуг он-лайн в рамках электронного правительства, а предоставление проактивных персонализированных электронных услуг в рамках цифрового правительства) заслонили хронические проблемы, в частности то, что реально в электронном виде оказываются в основном информационные услуги. Собственно, и этим, а не только постоянным появлением новых решений в сфере информационно-коммуникационных технологий объясняется непрерывное размножение моделей электронного правительства: желаемое будущее каждый раз называется по-разному, но в основе лежит все та же вера, что с помощью новых технологий можно произвести управленческую революцию.

Таким образом, риторика разрыва сохраняет устойчивость только благодаря постоянному переосмыслению, дополнению и поддерживающим объяснениям («пока не получилось, но вот-вот получится обязательно», «уже получается, но пока не у всех», «те, у кого не получается, не проявляют достаточной политической воли» и т.п.). Она одновременно непроницаема и открыта, причем каждая конкретная конфигурация определяется множеством факторов: международной модой, политическими решениями на высшем уровне, характером отношений между заказчиками и исполнителями на среднем уровне, степенью убедительности посредников-«продажников» и воздействия экспертов и т.п. В той мере, в какой конкретные конфигурации отражаются в «серой литературе», можно говорить о национальной специфике. Однако, как правило, риторика разрыва эту специфику сглаживает, поэтому она чаще находит отражение в «отходах» экспертного

производства, не попадающих в окончательные редакции стратегических документов, в коррекциях этих документов, носящих, на первый взгляд, странный и нелогичный характер, а также в анализе неудач, который, как правило, имеется в констатирующей части стратегических документов.

Чтобы пояснить, о чем идет речь, приведем несколько примеров, основанных на изучении стратегических документов в сфере электронного правительства Российской Федерации.

Первый пример связан с «Системным проектом электронного правительства», который готовился по поручению Президента РФ Д.А. Медведева в 2009–2010 гг. и был официально утвержден в 2010 г. [Системный проект формирования... 2010b].

В первоначальной редакции проекта была сделана попытка описать электронное правительство с позиций базовой структуры управления. Характерно, что отношения государства и общества в базовой структуре определялись словом «забота», а электронное правительство понималось как «новая форма проявления такой заботы» [Системный проект формирования... 2010а: 452]. При этом особо подчеркивалось, что эта базовая конструкция постоянно самовоспроизводится и электронное правительство не может ее принципиально поколебать. Было прямо заявлено, что технологии играют в этом отношении второстепенную (декоративную) роль [Системный проект формирования... 2010а: 447]. В окончательный вариант «Системного проекта...» эти рассуждения, отражающие некоторые существенные особенности отечественной модели взаимодействия власти и общества, не вошли.

«Системный проект...» разрабатывался для того, чтобы лечь в основу государственной программы «Информационное общество» [Распоряжение Правительства РФ № 1815-р, 2010], которая должна была сменить истекшую в 2010 г. Федеральную целевую программу (ФЦП) «Электронная Россия». Однако данная программа оказалась, по сути, автономным документом. В первоначальной редакции программы 2010 г. еще присутствовали подпрограмма 2 «Электронное государство и эффективность государственного управления» и целевые показатели, ориентированные на предоставление государственных услуг в электронном виде. Но в 2011 г. подпрограмму 2 сменила подпрограмма «Информационное государство» (термин, ранее нигде не фигурировавший и вызвавший явное удивление большинства экспертного сообщества). Цель подпрограммы была сформулирована предельно абстрактно: повышение уровня взаимодействия граждан, организаций и государства на основе информационных и телекоммуникационных технологий.

Чтобы понять, что произошло, следует проанализировать, какие изменения были внесены в целевые показатели стратегии (с помощью которых определяется ее эффективность). Ими стали доля электронного документооборота между органами государственной власти в общем объеме межведомственного документооборота, доля органов власти, имеющих скорость передачи данных не менее 2 Мбит/сек, и доля органов власти, использующих электронную подпись. Иными словами, электронные услуги из числа показателей выпали. Можно предположить, что таким образом нашли отражение интересы единого национального оператора электронного правительства

ОАО «Ростелеком»: были введены показатели, характеризующим развитие инфраструктуры вне зависимости от того, насколько эффективно эта инфраструктура способствует оказанию государственных услуг. Это означало выход за пределы привычного дискурса электронного правительства, поэтому пришлось ввести новый термин «информационное государство».

Однако данное отклонение от международного стандарта было довольно быстро преодолено. 6 мая 2012 г. вышел Указ Президента РФ от № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», в соответствии с которым доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, к 2018 г. должна достичь не менее 70%, при этом уровень удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных и муниципальных услуг должен составить не менее 90% [Указ Президента РФ № 601, 2012]. Тем самым в центр снова были поставлены электронные услуги и произошло возвращение к стандартной международной системе оценки эффективности.

Указ № 601 породил целую серию концептуальных и нормативных документов и потребовал подготовки нового «Системного проекта электронного правительства». Такое поручение было дано в 2013 г., но новый вариант проекта появился только в 2016 г. Он учел все новейшие интернациональные тенденции, и прежде всего модель проактивного предоставления государственных услуг и концепт электронного правительства как платформы. Это было более чем актуально, поскольку в 2016 г. Российская Федерация опустилась в рейтинге UN DESA с 27-го на 35-е место, что было обусловлено недостаточным развитием транзакционных и коннективных сервисов [United Nations E-Government Survey 2016: 47].

Электронное правительство определено в «Системном проекте...» в соответствии с международной риторикой разрыва как система организации деятельности федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, обеспечивающая на основе применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень взаимодействия при реализации функций (оказании услуг) [Системный проект электронного правительства... 2016: 9]. Как особое направление развития электронного правительства были выделены поддержка гражданского общества и вовлечение граждан в процессы государственного и муниципального управления (краудсорсинг-проекты, народный контроль, общественные обсуждения и т.п.). Принципами развития электронного правительства должны были стать «ноль бумаги», «ноль чиновников» и «ноль проблем взаимодействия», что предполагает максимально эффективное и результативное управление, в котором рутинные процедуры полностью автоматизированы. Вводилась так называемая «реестровая модель» оказания государственных и муниципальных услуг, подразумевающая результат услуги в виде сведений в базовом государственном информационном ресурсе (БГИР) без выдачи результата на бумажном носителе [Системный проект электронного правительства... 2016: 31]. Получившийся концепт было предложено называть не электронным, а цифровым правительством в полном соответствии с текущей международной модой.

Однако в ходе заседания Правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (24 октября 2016 г.) «Системный проект...» был подвергнут резкой критике. В частности, указывалось, что он не учитывает специфику российских регионов. Основным доводом против утверждения проекта стала непроработанность предлагаемых механизмов, что может привести к разрушению уже имеющихся структур без создания и отладки новых [Системный проект электронного правительства необходимо доработать... 2016]. Иными словами, конкретные исполнители выразили опасения, что «приземление» риторики будет осуществляться за счет возложения на них ответственности за плохое качество работы.

Критика «Системного проекта...» не означала отказа от глобальной риторики разрыва. Характерно, что новая версия электронного правительства – цифровое правительство – активно фигурирует в подготовленной Центром стратегических разработок А.В. Кудрина программе структурных реформ. В качестве ответа на вызовы времени в программе предлагается «...создать среду высокотехнологичной цифровой платформы государственного управления, которая обеспечит минимизацию человеческого фактора и сопутствующей ему коррупции и ошибок, автоматизирует сбор статистической, налоговой и иной отчетности, обеспечит принятие решений на основе анализа реальной ситуации» [Шклярук 2017].

В данном случае можно говорить не просто о воспроизводстве глобального концепта электронного правительства на национальном уровне, но о воспроизводстве по известной схеме Д. Кингдона «решения ищут проблемы» [Kingdon 2010], когда для локальных проблем предлагаются глобальные решения.

В целом концепт «электронное правительство», построенный на основе риторики разрыва, обладает очень высокой подвижностью. Он постоянно эволюционирует и путем реструктурирования уже имеющихся элементов (таких, как государственные услуги), и путем включения новых, а также посредством использования целого комплекса приемов, позволяющего обойти «парадокс неэффективности». Возникает вопрос: для чего участники процесса внедрения информационных технологий в государственное управление предпринимают столь значительные усилия? Для чего им требуется сопровождать технологический процесс постоянным идеологическим конструированием?

Как можно предположить, объясняется это тем, что внедрение информационных технологий в систему управления не столько перестраивает отношения власти и граждан, сколько создает среду, в которой данные отношения могут структурироваться заново. Граждане действительно получают новые возможности и начинают предъявлять новые требования. Концепт «электронное правительство» скорее препятствует, чем способствует реструктурированию этих отношений, так как работает по принципу «антиполитической машины» [Ferguson 1994], обеспечивая редукцию политических проблем, связанных с ролью государства в информационном обществе, до технических и одновременно легитимируя расширение и развитие системы разрешительных полномочий органов власти. Возможно,

именно поэтому его отличает повышенная устойчивость к критическому анализу и циклический характер эволюции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Барабашев А.Г. 2016. Кризис государственного управления и его влияние на основные парадигмы государства и бюрократии // *Вопр. гос. и муницип. управления*. № 3. С. 163-194.

Вахштайн В.В. 2014. Пересборка города: между языком и пространством // *Социология власти*. № 2. С. 9-37.

Оболонский А.В. 2014. Бюрократия: В поисках новой модели (Эволюция теории и практики государственного управления в последние десятилетия) // *ОНС : Обществ. науки и современность*. № 3. С. 5-22.

Системный проект формирования в Российской Федерации инфраструктуры электронного правительства (первый вариант), 2010а. М. 460 с.

Системный проект формирования в Российской Федерации инфраструктуры электронного правительства, 2010b (утв. Правительственной комиссией по внедрению информационных технологий в деятельность государственных органов и органов местного самоуправления 13 июля 2010 г.). М. 93 с.

Системный проект электронного правительства необходимо доработать до 1 марта 2017 г. [Электронный ресурс], 2016 // Экспертный центр электронного государства. 03 нояб. URL: <http://d-russia.ru/sistemnyj-proekt-elektronnogo-pravitelstva-neobходимо-dorabotat-do-1-marta-2017.html> (дата обращения: 30.03.2017).

Системный проект электронного правительства Российской Федерации [Электронный ресурс], 2016. М. 94 с. URL: http://www.tadviser.ru/images/b/b2/%D0%A1%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82_%D0%AD%D0%9F2020_12.10.16.pdf (дата обращения: 30.03.2017).

Шклярук М.С. 2017. Государство как платформа, 2017–2035. [Электронный ресурс]. Установка на форсайт-сессию 16 февраля 2017 г. URL: <http://govcontrol.ru/wp-content/uploads/2017/02/10.pdf> (дата обращения: 30.03.2017).

About E-Gov. Presidential Statement. 2002. December 17. [Электронный ресурс]. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/omb/egov/g-3-statement.html> (дата обращения: 30.03.2017).

Abrahamson E. 1996. Management Fashion // *The Academy of Management Review*. Vol. 21, № 1. P. 254-285.

Bannister F., Gronlund A. 2017. E-Government Research: A brief history // *Proceedings of the 50th Hawaii International Conference on System Sciences*. Hawaii, 4-7 Jan. 2017. P. 2943-2952.

Barbrook R. 2007. Imaginary Futures: From Thinking Machines to the Global Village. New York : Pluto Press. 334 p.

Bekkers V., Homburg V. 2007. The Myths of E-Government: Looking Beyond the Assumptions of a New and Better Government // *The Information Society*. Vol. 23, № 5. P. 373-382.

Bertot J.C., Jaeger P.T. 2008. The E-Government Paradox: Better Customer Service Doesn't necessarily cost less // *Government Information Quarterly*. Vol. 25, № 2. P. 846-860.

Carey J. 1989. Communication as Culture: Essays on Media and Society. Psychology Press. 241 p.

Castelnovo W. 2010. Is there E-Government Paradox // 10th European eGovernment Conference. Limerick : Academic Publishing. P. 90-98.

Collingridge D. 1990. Technology Organizations and Incrementalism: The Space Shuttle // *Technology Analysis & Strategic Management*. Vol. 2, № 2. P. 181-200.

Curran J., Fenton N., Freeman D. 2016. *Misunderstanding the Internet*. London : Routledge, 234 p.

Ferguson J. 1994. *The Anti-politics Machine: Development, Depoliticization and Bureaucratic Power in Lesotho*. Minnesota : Univ. of Minnesota Press. 336 p.

Fountain J.E. 2001. *Building the Virtual State: Information Technology and Institutional Change*. New York : Brookings Inst. Press, 256 p.

Gagliardone I., Kalember A., Kogen L., Nalwoga L., Stremmler N., Wairagala W. 2015. In Search of Local Knowledge on ICTs in Africa // *Stability: International J. of Security & Development*. Vol. 4(1), № 35. P. 1-15.

Gould J., Goldfinch Sh. 2006. *Dangerous Enthusiasms: E-Government, Computer Failure and Information System Development*. [Dunedin] (New Zealand) : Otago Univ. Press. 160 p.

Hecht G. 2012. *Being Nuclear: Africans and the Global Uranium Trade*. Cambridge, Mass.: The MIT Press. 475 p.

Heeks R. 2005. eGovernment as a carrier of context // *J. of Public Policy*. Vol. 25, № 1. P. 51-74.

Heeks R. Success and Failure Rates of eGovernment in Developing/Transitional Countries: Overview [Электронный ресурс] // eGovernment for Development Information Exchange. URL: <http://www.egov4dev.org/success> (дата обращения: 30.03.2017).

Holliday I., Yep R. 2005. E-Government in China // *Public Administration and Development*. Vol. 25, № 3. P. 239-249.

Hood C. 2000. *The Art of State: Culture, Rhetoric and Public Management*. London : Clarendon Press. 280 p.

Huhtamo E., Parikka J., (eds.) 2011. *Media Archeology. Approaches, Applications, and Implications* / eds. E. Huhtamo, J. Parikka. California : Univ. of California Press. 368 p.

Jaen A. 2005. Performance Paradox: Information Technology Investments and Administrative Performance in the Case of 50 U.S. State Governments // *International Conference on Information Systems (ICIS) 2003 Proceedings*. Vol. 33. P. 389-400.

Keen A. 2015. *The Internet Is Not the Answer*. New York : Atlantic Books. 304 p.

Kingdon J. 2010. *Agendas, Alternatives and Public Policies*. 2nd ed. London : Pearson. 304 p.

Kluver R. 2005. The Architecture of Control: a Chinese Strategy for e-Governance // *J. of Public Policy*. Vol. 25, № 1. P. 75-97.

Lipps A.M., Schuppan T. 2009. Transforming e-Government Knowledge through Public Management Research // *Public Management Review*. Vol. 11, № 6. P. 739-749.

Moe R.C. 1994. The "Reinventing Government" Exercise: Misinterpreting the Problem, Misjudging the Consequences // *Public Administration Rev*. Vol. 54, № 2. P. 111-122.

Morozov E. 2012. *The Net Delusion: How Not to Liberate The World*. New York : Penguin. 432 p.

Mosco V. 2004. *The Digital Sublime: Myth, Power and Cyberspace*. Cambridge, Mass.: The MIT Press. 218 p.

Obama B. 2009. *Transparency and Open Government*. Memorandum for the Heads of Executive Departments and Agencies. January 21 [Электронный ресурс]. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/TransparencyandOpenGovernment (дата обращения: 30.03.2017).

Parker A., Rucker Ph. 2017. Trump taps Kushner to lead a SWAT team to fix government with business ideas [Электронный ресурс] // *The Washington Post*. March 26. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/trump-taps-kushner-to-lead-a-swat-team-to-fix-government-with-business-ideas/2017/03/26/9714a8b6-1254-11e7-ada0-1489b735b3a3_story.html?utm_term=.11692f1272d1 (дата обращения: 30.03.2017).

Pathak R.D., Belwal R., Singh G., Naz R., Smith R.F.I., Al-Zoubi K. 2012. Citizens' perceptions of corruption and e-governance in Jordan, Ethiopia and Fiji – the need for a marketing approach // *Electronic Government, An International J.* Vol. 9, № 3. P. 309-332.

Reengineering Through Information Technology. Accompanying Report of the National Performance Review [Электронный ресурс], 1993. Washington, D.C. : Office of the Vice President. Sept. URL: <http://govinfo.library.unt.edu/npr/library/reports/it.html> (дата обращения: 30.03.2017).

Salvodelli A., Codagnone C., Misuraca G. 2012. Explaining the eGovernment Paradox: An Analysis of Two Decades of Evidence from Scientific Literature and Practice on Barriers to eGovernment // *ICEGOV '12*. October 22–25, 2012. Albany, New York, USA. P. 287-296.

Schlaeger J. 2014. E-Government in China: Technology, Power and Local Government Reform. London : Routledge. 186 p.

Sconce J. 2000. Haunted Media: Electronic Presence from Telegraphy to Television. Durham, NC : Duke Univ. Press Books. 272 p.

Tkacz N. 2014. Wikipedia and the Politics of Openness. Chicago, Mich. : Univ. of Chicago Press. 224 p.

United Nations E-Government Survey 2016: E-Government in Support of Sustainable Development [Электронный ресурс], 2016 / United Nations Department of Economic and Social Affairs. UN, Geneva. 220 p. URL: <http://workspace.unpan.org/sites/Internet/Documents/UNPAN96407.pdf> (дата обращения: 30.03.2017).

West D.M. 2005. Digital government: Technology and public sector performance. Princeton, New Jersey : Princeton Univ. Press. 256 p.

Указ Президента Российской Федерации от 6 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [Электронный ресурс] // Рос. газ. 2012. 9 мая. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/09/gosupravlenie-dok.html> (дата обращения: 30.03.2017).

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 года № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации “Информационное общество (2011–2020 годы)” (с изм. и доп.)» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/199708/#ixzz3rhSxRqYc> (дата обращения: 30.03.2017).

A. Trakhtenberg. Ideologicheskii kontsept Elektronogo pravitel'stva: kak rabotayet ritorika razryva? [E-Government as ideological concept: how does rupture talk function?], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 41-58. (in Russ.).

Anna D. Trakhtenberg, Candidate of Political Science, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg. E-mail: cskiit@yandex.ru

Article recived 07.04.2017, accepted 09.06.2017, available online 01.07.2017.

E-GOVERNMENT AS IDEOLOGICAL CONCEPT: HOW DOES RUPTURE TALK FUNCTION

Abstract: The article analyzes the global concept of e-government. The conclusion is drawn that the concept is based on the “rupture talk”. The concept is characterized by

the cyclical nature of evolution: the new versions are constantly appearing (the latest is the digital government). Each new variant takes into account the latest achievements of technological progress, however, the basic thesis about the rupture with the past state (i.e. the cardinal transformation of the classical “Weber” system of state administration) under the influence of information technologies, remains untouched. The concept functions as an “anti-politics machine”, transforming political and social problems related to the role of the state in the information society, to technical ones, and at the same time legitimizing the expansion of permissive powers of the authorities. Based on the analysis of “gray literature” and documents of the state strategic planning of the Russian Federation, it is shown how “rupture talk” remains stable due to constant rethinking, supplementing and supporting explanations.

Keywords: public administration; e-government; rupture talk; anti-politics machine.

References

About E-Gov, *Presidential Statement*, 2002, December 17, available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/omb/egov/g-3-statement.html> (accessed 30 March 2017).

Abrahamson E. Management Fashion, *The Academy of Management Review*, 1996, vol. 21, no. 1, pp. 254-285.

Bannister F., Gronlund A. E-Government Research: A brief history, *Proceedings of the 50th Hawaii International Conference on System Sciences, Hawaii, 4-7 Jan. 2017*, pp. 2943-2952.

Barabashev A.G. *Krizis gosudarstvennogo upravleniya i ego vliyanie na osnovnye paradigmy gosudarstva i byurokratii* [The crisis of public administration and its influence on the main paradigms of the state and bureaucracy], *Vopr. gos. i munitsip. upravleniya*, 2016, no. 3, pp. 163-194. (in Russ.).

Barbrook R. *Imaginary Futures: From Thinking Machines to the Global Village*, New York, Pluto Press, 2007, 334 p.

Bekkers V., Homburg V. The Myths of E-Government: Looking Beyond the Assumptions of a New and Better Government, *The Information Society*, 2007, vol. 23, no. 5, pp. 373-382.

Bertot J.C., Jaeger P.T. The E-Government Paradox: Better Customer Service Doesn't necessarily cost less, *Government Information Quarterly*, 2008, vol. 25, no. 2, pp. 846-860.

Carey J. *Communication as Culture: Essays on Media and Society*, Psychology Press, 1989, 241 p.

Castelnovo W. Is there E-Government Paradox, *10th European eGovernment Conference*, Limerick, Academic Publishing, 2010, pp. 90-98.

Collingridge D. Technology Organizations and Incrementalism: The Space Shuttle, *Technology Analysis & Strategic Management*, 1990, vol. 2, no. 2, pp. 181-200.

Curran J., Fenton N., Freeman D. *Misunderstanding the Internet*, London, Routledge, 2016, 234 p.

Ferguson J. *The Anti-politics Machine: Development, Depoliticization and Bureaucratic Power in Lesotho*, Minnesota, Univ. of Minnesota Press, 1994, 336 p.

Fountain J.E. 2001. *Building the Virtual State: Information Technology and Institutional Change*. New York : Brookings Inst. Press, 256 p.

Gagliardone I., Kalemera A., Kogen L., Nalwoga L., Stremlau N., Wairagala W. In Search of Local Knowledge on ICTs in Africa, *Stability: International J. of Security & Development*, 2015, vol. 4(1), no. 35, pp. 1-15.

Gould J., Goldfinch Sh. *Dangerous Enthusiasms: E-Government, Computer Failure and Information System Development*, [Dunedin] (New Zealand), Otago Univ. Press, 2006, 160 p.

Hecht G. *Being Nuclear: Africans and the Global Uranium Trade*, Cambridge, Mass., The MIT Press, 2012, 475 p.

Heeks R. eGovernment as a carrier of context, *J. of Public Policy*, 2005, vol. 25, no. 1, pp. 51-74.

Heeks R. Success and Failure Rates of eGovernment in Developing/Transitional Countries: Overview, *eGovernment for Development Information Exchange*, available at: <http://www.egov4dev.org/success> (accessed 30 March 2017).

Holliday I., Yep R. E-Government in China, *Public Administration and Development*, 2005, vol. 25, no. 3, pp. 239-249.

Hood C. *The Art of State: Culture, Rhetoric and Public Management*, London, Clarendon Press, 2000, 280 p.

Huhtamo E., Parikka J., (eds.) *Media Archeology. Approaches, Applications, and Implications*, California, Univ. of California Press, 2011, 368 p.

Jaen A. Performance Paradox: Information Technology Investments and Administrative Performance in the Case of 50 U.S. State Governments, *International Conference on Information Systems (ICIS) 2003 Proceedings*, 2003, vol. 33, pp. 389-400.

Keen A. *The Internet Is Not the Answer*, New York, Atlantic Books, 2015, 304 p.

Kingdon J. *Agendas, Alternatives and Public Policies*, 2nd ed., 2010, London, Pearson, 304 p.

Kluver R. The Architecture of Control: a Chinese Strategy for e-Governance, *J. of Public Policy*, 2005, vol. 25, no. 1, pp. 75-97.

Lipps A.M., Schuppan T. Transforming e-Government Knowledge through Public Management Research, *Public Management Review*, 2009, vol. 11, no. 6, pp. 739-749.

Moe R.C. The "Reinventing Government" Exercise: Misinterpreting the Problem, Misjudging the Consequences, *Public Administration Review*, 1994, vol. 54, no. 2, pp. 111-122.

Morozov E. *The Net Delusion: How Not to Liberate The World*, New York, Penguin, 2012, 432 p.

Mosco V. *The Digital Sublime: Myth, Power and Cyberspace*, Cambridge, Mass., The MIT Press, 2004, 218 p.

Obama B. *Transparency and Open Government. Memorandum for the Heads of Executive Departments and Agencies*. 2009. January 21, available at: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/TransparencyandOpenGovernment (accessed 30 March 2017).

Obolonskiy A.V. *Byurokratiya: V poiskakh novoy modeli (Evolyutsiya teorii i praktiki gosudarstvennogo upravleniya v poslednie desyatiletiya)* [Bureaucracy: In Search of a New Model (Evolution of the Theory and Practice of Public Administration in the Last Decades)], *ONS : Obshchestv. nauki i sovremennost'*, 2014, no. 3, pp. 5-22. (in Russ.).

Parker A., Rucker Ph. Trump taps Kushner to lead a SWAT team to fix government with business ideas, *The Washington Post*, 2017, March 26, available at: https://www.washingtonpost.com/politics/trump-taps-kushner-to-lead-a-swat-team-to-fix-government-with-business-ideas/2017/03/26/9714a8b6-1254-11e7-ada0-1489b735b3a3_story.html?utm_term=.11692f1272d1 (accessed 30 March 2017).

Pathak R.D., Belwal R., Singh G., Naz R., Smith R.F.I., Al-Zoubi K. Citizens' perceptions of corruption and e-governance in Jordan, Ethiopia and Fiji – the need for a marketing approach, *Electronic Government, An International J.*, 2012, vol. 9, no. 3, pp. 309-332.

Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 20 oktyabrya 2010 goda 1815-r. «O gosudarstvennoy programme Rossiyskoy Federatsii "Informatsionnoe obshchestvo (2011–2020 gody)" (s izm. i dop.)» [Order of the Government of the Russian Federation of October 20, 2010 1815-r. «On the State Program of the Russian Federation « Information Society (2011-2020)» (as amended)», available at: <http://base.garant.ru/199708/#ixzz3rhSxRqYc> (accessed 30 March 2017). (in Russ.).

Reengineering Through Information Technology. Accompanying Report of the National Performance Review, Washington, D.C., Office of the Vice President, 1993, Sept., available at: <http://govinfo.library.unt.edu/npr/library/reports/it.html> (accessed 30 March 2017).

Salvodelli A., Codagnone C., Misuraca G. Explaining the eGovernment Paradox: An Analysis of Two Decades of Evidence from Scientific Literature and Practice on Barriers to eGovernment, *ICEGOV '12. October 22–25, 2012*, Albany, New York, USA, 2012, pp. 287–296.

Schlaeger J. *E-Government in China: Technology, Power and Local Government Reform*, London, Routledge, 2014, 186 p.

Sconce J. *Haunted Media: Electronic Presence from Telegraphy to Television*, Durham, NC, Duke Univ. Press Books, 2000, 272 p.

Shklyaruk M.S. *Gosudarstvo kak platforma, 2017–2035* [The state as a platform: 2017–2035. Proposals for the foresight session], available at: <http://govcontrol.ru/wp-content/uploads/2017/02/10.pdf> (accessed 30 March 2017). (in Russ.).

Sistemnyy proekt elektronogo pravitel'stva neobkhodimo dorabotat' do 1 marta 2017 g. [Expert Center of E-Government. The e-government system project needs to be finalized by March 1, 2017], *Ekspertnyy tsentr elektronogo gosudarstva*, 2016, 03 November, available at: <http://d-russia.ru/sistemnyj-proekt-elektronogo-pravitelstva-neobkhodimo-dorabotat-do-1-marta-2017.html> (accessed 30 March 2017). (in Russ.).

Sistemnyy proekt elektronogo pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii [System project of the electronic government of the Russian Federation], Moscow, 2016, 94 p., available at: http://www.tadviser.ru/images/b/b2/%D0%A1%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82_%D0%AD%D0%9F2020_12.10.16.pdf (accessed 30 March 2017). (in Russ.).

Sistemnyy proekt formirovaniya v Rossiyskoy Federatsii infrastruktury elektronogo pravitel'stva (pervyy variant) [A system project for the formation of the e-government infrastructure in the Russian Federation (first option)], 2010, Moscow, 460 p. (in Russ.).

Sistemnyy proekt formirovaniya v Rossiyskoy Federatsii infrastruktury elektronogo pravitel'stva, 2010 (utv. Pravitel'stvennoy komissiiyepovnedreniyu informatsionnykh tekhnologiy v deyatel'nost' gosudarstvennykh organov i organov mestnogo samoupravleniya 13 iyulya 2010 g.) [The system project for the formation of the e-government infrastructure in the Russian Federation (approved by the Government Commission on the Implementation of Information Technologies in the Activities of State Bodies and Local Governments on July 13, 2010)], Moscow, 93 p. (in Russ.).

Tkacz N. *Wikipedia and the Politics of Openness*, Chicago, Mich., Univ. of Chicago Press, 2014, 224 p.

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 6 maya 2012 goda № 601 «Ob osnovnykh napravleniyakh sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo upravleniya» [Presidential Decree of May 6, 2012 No. 601 “On the main directions of improving the system of public administration”], *Ros. gaz.*, 2012, 9 May, available at: <http://www.rg.ru/2012/05/09/gosupravlenie-dok.html> (accessed 30 March 2017). (in Russ.).

United Nations E-Government Survey 2016: E-Government in Support of Sustainable Development, United Nations Department of Economic and Social Affairs, UN, Geneva, 2016, 220 p., available: <http://workspace.unpan.org/sites/Internet/Documents/UNPAN96407.pdf> (accessed 30 March 2017).

Vakhshtayn V.V. *Peresborka goroda: mezhdru yazykom i prostranstvom* [Re-assembly of the city: between language and space], *Sotsiologiya vlasti*, 2014, no. 2, pp. 9–37. (in Russ.).

West D.M. *Digital government: Technology and public sector performance*, Princeton, New Jersey, Princeton Univ. Press, 2005, 256 p.